

Для чего люди одурманиваются?

I

Что такое употребление одурманивающих веществ — водки, вина, пива, гашиша, опиума, табака и других менее распространенных: эфира, морфина, мухомора? Отчего оно началось и так быстро распространилось и распространяется между всякого рода людьми, дикими и цивилизованными одинаково? Что такое значит то, что везде, где только не водка, вино, пиво, там опиум или гашиш, мухомор и другие, и табак везде? Зачем людям нужно одурманиваться?

Спросите у человека, зачем он начал пить вино и пьет. Он ответит вам: «так, приятно, все пьют», да еще прибавит: «для веселья». Некоторые же, те, которые ни разу не дали себе труда подумать о том, хорошо или дурно то, что они пьют вино, прибавят еще то, что вино здорово, дает силы, т. е. скажут то, несправедливость чего давным-давно уже доказана.

Спросите у курильщика, зачем он начал курить табак и курит теперь, и он ответит то же: «так, от скуки, все курят».

Так же, вероятно, ответят и потребители опиума, гашиша, морфина, мухомора.

«Так, от скуки, для веселья, все это делают». Но ведь это хорошо так, от скуки, для веселья, оттого, что все это делают, вертеть пальцами, свистеть, петь песни, играть на дудке и т. п., т. е. делать что-нибудь такое, для чего не нужно ни губить природных богатств, ни затрачивать больших рабочих сил, делать то, что не приносит очевидного вреда ни себе, ни другим. Но ведь для производства табака, вина, гашиша, опиума часто среди населений, нуждающихся в земле, занимаются миллионы и миллионы лучших земель посевами ржи, картофеля, лоз, конопли, мака, табака, и миллионы рабочих — в Англии 1/8 всего населения — заняты целые жизни производством этих одурманивающих веществ. Кроме того, употребление этих веществ очевидно вредно, производит страшные, всем известные и всеми признаваемые бедствия, от которых гибнет больше людей, чем от всех войн и заразных болезней вместе. И люди знают это; так что не может быть, чтоб это делалось так, от скуки, для веселья, оттого только, что все это делают.

Тут должно быть что-нибудь другое. Беспреданно и повсюду встречаешь людей, любящих своих детей, готовых принести всякого рода жертвы для их блага и вместе с тем пропивающих на водке, вине, пиве или прокуривающих на опиуме или гашише и даже на

табаке то, что или совсем прокормило бы бедствующих и голодающих детей, или по крайней мере избавило бы их от лишений. Очевидно, что если человек, поставленный в условия необходимости выбора между лишениями и страданиями своей семьи, которую он любит, и воздержанием от одурманивающих веществ, всё-таки избирает первое, то побуждает его к этому что-нибудь более важное, чем то, что все это делают и что это приятно. Очевидно, что делается это не так, от скуки, для веселья, а что есть тут какая-то более важная причина.

Причина эта, насколько я умел понять ее из чтения об этом предмете и наблюдений над другими людьми и в особенности над самим собой, когда я пил вино и курил табак, — причина эта, по моим наблюдениям, следующая.

В период сознательной жизни человек часто может заметить в себе два отдельные существа: одно — слепое, чувственное, и другое — зрячее, духовное. Слепое животное существо ест, пьет, отдыхает, спит, плодится и движется, как движется заведенная машина; зрячее духовное существо, связанное с животным, само ничего не делает, но только оценивает деятельность животного существа тем, что совпадает с ним, когда одобряет эту деятельность, и расходится с ним, когда не одобряет ее.

Зрячее существо это можно сравнить со стрелкой компаса, указывающей одним концом на Nord,[42] другим на противоположный — Süd[43] и прикрытой по своему протяжению пластинкой, стрелкой, невидной до тех пор, пока то, что несет на себе стрелку, движется по ее направлению, но выступающей и становящейся видной, как скоро то, что несет стрелку, отклоняется от указываемого ею направления.

Точно так же зрячее духовное существо, проявление которого в просторечии мы называем совестью, всегда показывает одним концом на добро, другим — на противоположное зло и не видно нам до тех пор, пока мы не отклоняемся от даваемого им направления, т. е. от зла к добру. Но стоит сделать поступок, противный направлению совести, и появляется сознание духовного существа, указывающее отклонение животной деятельности от направления, указываемого совестью. И как мореход не мог бы продолжать работать веслами, машиной или парусом, зная, что он идет не туда, куда ему надо, до тех пор, пока он не дал бы своему движению направление, соответствующее стрелке компаса, или не скрыл бы от себя ее отклонение, так точно и всякий человек, почувствовав раздвоение своей совести с животной деятельностью, не может продолжать эту деятельность до тех пор, пока или не приведет ее в согласие с совестью, или не скроет от себя указаний совести о неправильности животной жизни.

Вся жизнь людская, можно сказать, состоит только из этих двух деятельностей: 1) приведения своей деятельности в согласие с совестью и 2) скрывания от себя указаний своей совести для возможности продолжения жизни. Одни делают первое, другие — второе. Для достижения первого — приведения поступков в согласие с своей совестью — есть только один способ: нравственное просвещение — увеличение в себе света и внимание к тому, что он освещает; для второго — для скрывания от себя указаний совести — есть два способа: внешний и внутренний. Внешний способ состоит в занятиях, отвлекающих внимание от указаний совести; внутренний состоит в затемнении самой совести.

Как может человек скрыть от своего зрения находящийся пред ним предмет двумя способами: внешним отвлечением зрения к другим, более поражающим предметам, и засорением глаз, так точно и указания своей совести человек может скрыть от себя двояким способом: внешним — отвлечением внимания всякого рода занятиями, заботами, забавами, играми, и внутренним — засорением самого органа внимания. Для людей с тупым, ограниченным нравственным чувством часто вполне достаточно внешних отвлечений для того, чтобы не видеть указаний совести о неправильности жизни. Но для людей нравственно-чутких средств этих часто недостаточно. Внешние способы не вполне отвлекают внимание от сознания разлада жизни с требованиями совести; сознание это мешает жить, и люди, чтобы иметь возможность жить, прибегают к несомненному внутреннему способу затемнения самой совести, состоящему в отравлении мозга одуряющими веществами.

Жизнь не такова, какая бы она должна быть по требованиям совести. Повернуть жизнь сообразно этим требованиям нет сил. Развлечения, которые бы отвлекали внимание от сознания этого разлада, недостаточны или они приелись, и вот для того, чтобы быть в состоянии продолжать жить, несмотря на указания совести о неправильности жизни, люди отравляют, на время прекращая его деятельность, тот орган, через который проявляются указания совести, так же как человек, умышленно засоривший глаз, скрыл бы от себя то, что он не хотел бы видеть.

II

Не во вкусе, не в удовольствии, не в развлечении, не в весельи лежит причина всемирного распространения гашиша, опиума, вина, табаку, а только в потребности скрыть от себя указания совести.

Иду я раз по улице и, проходя мимо разговаривающих извозчиков, слышу, один говорит другому: «известное дело — тверезому совестно!»

Трезвому совестно то, что не совестно пьяному. Этими словами высказана существенная, основная причина, по которой люди прибегают к одурманивающим веществам. Люди прибегают к ним или для того, чтобы не было совестно после того, как сделан поступок, противный совести, или для того, чтобы вперед привести себя в состояние, в котором можно сделать поступок, противный совести, но к которому влечет человека его животная природа.

Трезвому совестно ехать к непотребным женщинам, совестно украсть, совестно убить. Пьяному ничего этого не совестно, и потому, если человек хочет сделать поступок, который совесть воспрещает ему, он одурманивается.

Помню поразившее меня показание судившегося повара, убившего мою родственницу, старую барыню, у которой он служил. Он рассказывал, что когда он услал свою любовницу горничную и наступило время действовать, он пошел было с ножом к спальне, но почувствовал, что трезвый не может совершить задуманного дела. «Тверезому совестно».

Он вернулся, выпил два стакана припасенной вперед водки и только тогда почувствовал себя готовым и сделал.

Девять десятых преступлений совершаются так: «для смелости выпить!» Половина падений женщин происходит под влиянием вина. Почти все посещения непотребных домов совершаются в пьяном виде. Люди знают это свойство вина заглушать голос совести и сознательно употребляют его для этой цели.

Мало того, что люди сами одурманиваются, чтобы заглушить свою совесть, — зная, как действует вино, они, желая заставить других людей сделать поступок, противный их совести, нарочно одурманивают их, организуют одурманивание людей, чтобы лишить их совести. На войне солдат напивают пьяными всегда, когда приходится драться в рукопашную. Все французские солдаты на севастопольских штурмах бывали напоены пьяными. После взятия Геог-Тепе, когда солдаты не шли грабить и убивать беззащитных стариков, детей, Скобелев велел напоить их пьяными, тогда они пошли.

Всем известны люди, спившиеся с круга вследствие преступлений, мучивших их совесть. Все могут заметить, что безнравственно живущие люди более других склонны к одурманивающим веществам. Разбойничьи, воровские шайки, проститутки — не живут без вина.

Все знают и признают, что употребление одурманивающих веществ бывает последствием укоров совести, что при известных безнравственных профессиях одурманивающие вещества употребляются для заглушения совести. Все также знают и признают, что потребление одуряющих веществ заглушает совесть, что человек пьяный способен на поступки, о которых он трезвый не решился бы и подумать. Все с этим согласны, но — странное дело! — когда следствием употребления одурманивающих веществ не являются такие поступки, как воровство, убийство, насилие и т. п.; когда одурманивающие вещества принимаются не вслед за какими-нибудь страшными преступлениями, а людьми, профессии которых не считаются нами преступными, и когда вещества эти принимаются не сразу в большом количестве, но постоянно в умеренном, то почему-то предполагается, что одурманивающие вещества уже не действуют на совесть, заглушая ее.

Так, предполагается, что выпивание русским достаточным человеком ежедневно перед каждой едой по рюмке водки и за едой по стакану вина, французом — своей полынной настойки и вина, англичанином — своего портвейна и портера, немцем — своего пива, а зажиточным китайцем выкуривание своей умеренной порции опиума и курение при этом табаку делается только для удовольствия и нисколько не влияет на совесть людей.

Предполагается, что если после этого обычного одурманивания не совершено преступления, воровства, убийства, а известные поступки, глупые и дурные, то эти поступки произошли сами собой, а не вызваны одурманиванием. Предполагается, что если этими людьми не совершено уголовного преступления, то им и нет причин заглушать свою совесть, и что та жизнь, которую ведут люди, предающиеся постоянному одурманиванию себя, есть жизнь вполне хорошая и была бы точно такою же, если бы люди эти не одурманивались. Предполагается, что постоянное употребление одурманивающих веществ нисколько не

затемняет их совести.

Несмотря на то, что каждый по опыту знает, что от употребления вина и табаку настроение изменяется и перестает быть совестно то, что без возбуждения было совестно; что после каждого, хотя бы и мелкого, укора совести так и тянет к какому-нибудь дурману, и что под влиянием одурманивающих веществ трудно обдумать свою жизнь и свое положение, и что постоянное и равномерное употребление одуряющих веществ производит то же физиологическое действие, как и одновременное неумеренное, — людям, умеренно пьющим и курящим, кажется, что они употребляют одурманивающие вещества совсем не для заглушения своей совести, а только для вкуса и удовольствия.

Но стоит только серьезно и беспристрастно, не выгораживая себя, подумать об этом, чтобы понять, что, во-первых, если употребление одурманивающих веществ сразу в больших размерах заглушает совесть человека, то постоянное употребление этих веществ должно производить то же действие, так как одурманивающие вещества действуют физиологически всегда одинаково, всегда возбуждая и потом притупляя деятельность мозга, будут ли они приняты в больших или малых приемах; во-вторых, что если одурманивающие вещества имеют свойство заглушать совесть, то они имеют его всегда — и тогда, когда под влиянием их совершается убийство, воровство, насилие и когда под влиянием их говорится слово, которое не сказалось бы, думается и чувствуется то, что не думалось и не чувствовалось бы без них; и в-третьих, что если потребление одурманивающих веществ нужно для того, чтобы заглушить их совесть ворам, разбойникам, проституткам, то оно точно так же нужно людям, занимающимся профессиями, осуждаемыми их совестью, хотя бы профессии эти признавались законными и почетными другими людьми.

Одним словом, нельзя не понять того, что употребление одурманивающих веществ в больших или малых размерах, периодически или постоянно, в высшем или низшем кругу вызывается одною и тою же причиной — потребностью заглушения голоса совести для того, чтобы не видеть разлада жизни с требованиями сознания.

III

В этом одном причина распространения всех одуряющих веществ и между другими табака, едва ли не самого распространенного и самого вредного.

Предполагается, что табак веселит, уясняет мысли, привлекает к себе только как всякая привычка, ни в каком случае не производя того действия заглушения голоса совести, которое признается за вином. Но стоит только повнимательнее взглянуть в условия, при которых проявляется особенная потребность в курении, для того чтобы убедиться, что одурманивание табаком, точно так же как и вином, действует на совесть, и что люди сознательно прибегают к этому одурманиванию именно тогда, когда оно нужно им для этой цели.

Если бы табак только уяснял мысли и веселил, не было бы этой страстной потребности в нем и потребности именно в известных, определенных случаях, и не говорили бы люди, что они готовы пробыть скорее без хлеба, чем без табаку, и действительно часто не предпочитали бы курение пище.

Тот повар, который зарезал свою барыню, рассказывал, что когда он, войдя в спальню, резнул ее ножом по горлу и она упала, хрипя, и кровь хлынула потоком, то он заробел. «Я не мог дорезать, — говорил он, — и вышел из спальни в гостиную, сел там и выкурил папироску». Только одурманившись табаком, он почувствовал себя в силах вернуться в спальню дорезать старуху и разобраться в ее имуществе.

Очевидно, потребность курить в эту минуту была вызвана в нем не желанием уяснить мысли или развеселиться, а необходимостью заглушить что-то, мешавшее ему доделать задуманное дело.

Такую определенную потребность к одурманению себя табаком в известные, самые затруднительные минуты может заметить в себе всякий курящий. Вспоминаю за время своего курения, когда я чувствовал особенную потребность в табаке. Всегда это было в такие минуты, когда мне именно хотелось не помнить то, что я помнил — хотелось забыть, не думать. Сижу я один, ничего не делаю, знаю, что мне надо начать работу, и не хочется, — я закуриваю и продолжаю сидеть. Я обещал кому-либо быть у него в 5 часов и засиделся в другом месте; я вспоминаю, что я опоздал, но мне не хочется помнить это, — и я курю. Я раздражен и говорю человеку неприятное и знаю, что делаю дурно, и вижу, что надо перестать, но мне хочется дать ход своему раздражению, — я курю и продолжаю раздражаться. Я играю в карты и проигрываю больше того, чем то, чем я хотел ограничиться, — я курю. Я поставил себя в неловкое положение, я дурно поступил, ошибся, и мне надо сознать свое положение, чтобы выйти из него, но не хочется сознаться, — я обвиняю других и курю. Я пишу и не совсем доволен тем, что пишу. Надо бросить, но хочется дописать то, что задумал, — я курю. Я спорю и вижу, что мы с противником не понимаем и не можем понять друг друга, но хочется высказать свои мысли, — я продолжаю говорить и курю.

Особенность табака от других одуряющих веществ, кроме легкости одурманивания себя им и его кажущейся безвредности, заключается еще и в его, так сказать, портативности, возможности прилагать его к мелким отдельным случаям. Не говоря уже о том, что употребление опиума, вина, гашиша сопряжено с некоторыми приспособлениями, которые не всегда можно иметь, табак же и бумагу всегда можно иметь с собой, и о том, что курильщик опиума, алкоголик возбуждает ужас, человек же, курящий табак, не представляет ничего отталкивающего, — преимущество табака перед другими дурманами то, что дурман опиума, гашиша, вина распространяется на все впечатления и действия, получаемые и производимые в известный, довольно продолжительный период времени, дурман же табака может быть направлен на каждый отдельный случай. Хочешь сделать то, чего не следует, — выкуриваешь папироску, одурманиваешься настолько, насколько нужно, чтобы сделать то, что не надо было, и опять свеж и можешь ясно мыслить и говорить; или чувствуешь, что сделал то, чего не следовало, — опять папироска, и неприятное сознание дурного или неловкого поступка уничтожено, и можешь заняться другим и забыть.

Но не говоря о тех частных случаях, в которых всякий курящий прибегает к курению, не как к удовлетворению привычки и препровождению времени, а как к средству заглушения совести для поступков, которые имеют быть сделаны или уже сделаны, разве не очевидна та строго определенная зависимость между образом жизни людей и их пристрастием к курению?

Когда начинают курить мальчики? — Почти всегда тогда же, когда они теряют детскую невинность. Отчего люди курящие могут переставать курить, как скоро становятся в более нравственные условия жизни, и опять начинают курить, как только попадают в развращенную среду? почему игроки почти все курят? почему из женщин меньше курят женщины, ведущие правильный образ жизни? почему проститутки и сумасшедшие все курят? Привычка привычкой, но очевидно, что курение находится в определенной зависимости от потребности заглушения совести и что она достигает этой своей цели.[44]

Наблюдение о том, до какой степени курение заглушает голос совести, можно сделать над всяким почти курильщиком. Всякий курильщик, предаваясь своей страсти, забывает или пренебрегает самыми первыми требованиями общежития, которых он требует от других и которые он соблюдает во всех других случаях, до тех пор, пока совесть его не заглушена табаком. Всякий человек нашего среднего воспитания признает непозволительным, неблаговоспитанным, негуманным для своего удовольствия нарушать спокойствие и удобство, а тем более здоровье других людей. Никто не позволит себе намочить комнату, в которой сидят люди, шуметь, кричать, напустить холодного, жаркого или вонючего воздуха, совершать поступки, мешающие и вредящие другим. Но из 1000 курильщиков ни один не постеснится тем, чтобы напустить нездорового дыма в комнате, где дышат воздухом некурящие женщины, дети. Если закуривающие и спрашивают обыкновенно у присутствующих: «вам не неприятно?» то все знают, что принято отвечать: «сделайте одолжение» (несмотря на то, что некурящему не может быть приятно дышать зараженным воздухом и находить вонючие окурки в стаканах, чашках, тарелках, на подсвечниках или даже в пепельницах). Но если бы даже некурящие взрослые и переносили табак, то детям-то, у которых никто не спрашивает, никак не может быть это приятно и полезно. А между тем люди честные, гуманные во всех других отношениях курят при детях, за обедом, в маленьких комнатах, заражая воздух табачным дымом, не чувствуя при этом ни малейшего укора совести.

Обыкновенно говорят, и я говорил, что курение содействует умственной работе. И несомненно, что это так, если смотреть только на количество умственной работы. Человеку, курящему и потому перестающему строго оценивать и взвешивать свои мысли, кажется, что у него вдруг сделалось очень много мыслей. Но это совсем не то, что у него сделалось много мыслей, а только то, что он потерял контроль над своими мыслями.

Когда человек работает, он всегда сознает в себе два существа: одного — работающего, другого — оценивающего работу. Чем строже оценка, тем медленнее и лучше работа, и наоборот. Если же оценивающий будет находиться под влиянием дурмана, то работы будет больше, но качество ее будет ниже.

«Если я не курю, я не могу писать. Мне не пишется, я начинаю и не могу продолжать», говорят обыкновенно, говорил и я. Что же это значит? А то, что тебе или нечего писать, или то, что ты сейчас хочешь уже написать, еще не созрело в твоём создании, а только смутно начинает представляться тебе, и оценивающий живущий в тебе критик, не одурманенный табаком, говорит тебе это. Если бы ты не курил, ты или оставил бы начатое и подождал времени, когда то, о чем ты думаешь, уяснилось бы тебе, или постарался бы вдуматься в то, что смутно представляется тебе, обдумал бы представляющиеся тебе возражения и напряг бы всё своё внимание на уяснение себе своей мысли. Но ты закуливаешь, судящий в тебе критик одурманивается, и задержка в твоей работе устраняется: то, что тебе трезвому от табаку казалось ничтожным, представляется опять значительным; то, что казалось неясным, уже не представляется таким; представлявшиеся тебе возражения скрываются, и ты продолжаешь писать, и пишешь много и быстро.

IV

«Но неужели такое малое, крошечное изменение, как легкий хмель, производимый умеренным употреблением вина и табаку, может производить какие-либо значительные последствия? Понятно, что если человек накуривается опиума, гашиша, напивается вина так, что падает и теряет рассудок, то последствия такого одурманивания могут быть очень важны; но то, что человек находится под самым легким действием хмеля или табаку, никак не может иметь никаких важных последствий», говорят обыкновенно. Людям кажется, что маленький дурман, маленькое затмение сознания не может производить важного влияния. Но думать так — всё равно, что думать то, что часам может быть вредно то, чтоб ударить их о камень, но что если положить соринку в середину их хода, то это не может повредить им.

Ведь главная работа, двигающая всей жизнью людской, происходит не в движениях рук, ног, спин человеческих, а в сознании. Для того чтобы человек совершил что-нибудь ногами и руками, нужно, чтобы прежде совершилось известное изменение в его сознании. И это-то изменение определяет все последующие действия человека. Изменения же эти всегда бывают крошечные, почти незаметные.

Брюллов поправил ученику этюд. Ученик, взглянув на изменившийся этюд, сказал: «Вот чуть-чуть тронули этюд, а совсем стал другой». Брюллов ответил: «Искусство только там и начинается, где начинается чуть-чуть».

Изречение это поразительно верно, и не по отношению к одному искусству, но и ко всей жизни. Можно сказать, что истинная жизнь начинается там, где начинается чуть-чуть, там, где происходят кажущиеся нам чуть-чутьочными бесконечно малые изменения. Истинная жизнь происходит не там, где совершаются большие внешние изменения, где передвигаются, сталкиваются, дерутся, убивают друг друга люди, а она происходит только там, где совершаются чуть-чутьочные дифференциальные изменения.

Истинная жизнь Раскольникова совершалась не тогда, когда он убивал старуху или сестру ее. Убивая самую старуху и в особенности сестру ее, он не жил истинною жизнью, а действовал как машина, делал то, чего не мог не делать: выпускал тот заряд, который

давно уже был заложен в нем. Одна старуха убита, другая тут перед ним, топор у него в руке.

Истинная жизнь Раскольникова происходила не в то время, когда он встретил сестру старухи, а в то время, когда он не убивал еще ни одной старухи, не был в чужой квартире с целью убийства, не имел в руках топора, не имел в пальто петли, на которую вешал его, — в то время, когда он даже и не думал о старухе, а, лежа у себя на диване, рассуждал вовсе не о старухе и даже не о том, можно ли или нельзя по воле одного человека стереть с лица земли ненужного и вредного другого человека, а рассуждал о том, следует ли ему жить или не жить в Петербурге, следует ли или нет брать деньги у матери, и еще о других, совсем не касающихся старухи, вопросах. И вот тогда-то, в этой совершенно независимой от деятельности животной области, решались вопросы о том, убьет ли он или не убьет старуху? Вопросы эти решались не тогда, когда он, убив одну старуху, стоял с топором перед другой, а тогда, когда он не действовал, а только мыслил, когда работало одно его сознание и в сознании этом происходили чуть-чуточные изменения. И вот тогда-то бывает особенно важна для правильного решения возникающего вопроса наибольшая ясность мысли, и вот тогда-то один стакан пива, одна выкуренная папироска могут помешать решению вопроса, отдалить это решение, могут заглушить голос совести, содействовать решению вопроса в пользу низшей животной природы, как это и было с Раскольниковым.

Изменения чуть-чуточные, а от них-то самые громадные, ужасные последствия. От того, что сделается, когда человек решился и начал действовать, может измениться много материального, могут погибнуть дома, богатства, тела людей, но ничего не может сделаться больше того, чем то, что залегло в сознание человека. Пределы того, что может произойти, даны сознанием. Но от чуть-чуточных изменений, которые совершаются в области сознания, могут произойти самые невообразимые по своей значительности последствия, для которых нет пределов.

Пусть не думают, что то, что я говорю, имеет что-нибудь общее с вопросами о свободе воли и детерминизме. Разговоры об этих предметах совершенно излишни для моей цели, да и для чего бы то ни было. Не решая вопроса о том, может или не может человек поступать так, как он хочет (вопроса, по-моему, неправильно поставленного), я говорю только о том, что так как человеческая деятельность определяется чуть-чуточными изменениями в сознании, то (все равно — признавая или не признавая так называемую свободу воли) и надо быть особенно внимательным к тому состоянию, в котором проявляются эти чуть-чуточные изменения, как надо быть особенно внимательным к состоянию весов, посредством которых мы взвешиваем предметы. Надо, насколько это от нас зависит, стараться поставить себя и других в такие условия, при которых не нарушалась бы ясность и тонкость мысли, необходимые для правильной работы сознания, а не поступать обратно, стараясь затруднить и запутать эту работу сознания потреблением одуряющих веществ.

Человек ведь есть и духовное и животное существо. Человека можно двигать, влияя на его животное существо, и можно двигать, влияя на его духовную сущность. Так же, как часы можно двигать за стрелки и за главное колесо. И как в часах удобнее руководить движением через внутренний механизм, так и человеком — собой или другим — удобнее руководить через сознание. И как в часах пуще всего надо блюсти то, чем удобнее двигать

серединный механизм, так и в человеке пуще всего надо блюсти чистоту, ясность сознания, которым удобнее всего двигать человеком. Сомневаться в этом невозможно, и все люди знают это; но является потребность обманывать себя. Людям не столько хочется, чтобы сознание работало правильно, сколько того, чтобы им казалось, что правильно то, что они делают, и они сознательно употребляют такие вещества, которые нарушают правильную работу сознания.

V

Пьют и курят не так, не от скуки, не для веселья, не потому, что приятно, а для того, чтобы заглушить в себе совесть. И если это так, то как ужасны должны быть последствия! В самом деле — подумать, какова бы была та постройка, которую строили бы люди не с прямым правилом, по которому они выравнивали бы стены, не с прямоугольным угольником, которым бы они определяли углы, а с мягким правилом, которое сгибалось бы по всем неровностям стены, и с угольником, складывающимся и приходящимся к каждому — и острому и тупому — углу.

А ведь, благодаря одурманиванию себя, это самое и делается в жизни. Жизнь не приходится по совести, — совесть сгибается по жизни. Это делается в жизни отдельных лиц, это же делается и в жизни всего человечества, слагающегося из жизни отдельных лиц.

Для того чтобы понять всё значение такого отуманения своего сознания, пускай всякий человек вспомнит хорошенько свое душевное состояние в каждый период своей жизни. Каждый человек найдет, что в каждый период его жизни перед ним стояли известные нравственные вопросы, которые ему надо было разрешить и от разрешения которых зависело всё благо его жизни. Для разрешения этих вопросов нужно большое напряжение внимания. Это напряжение внимания составляет труд. В каждом же труде, особенно в начале его, есть период, когда труд представляется тяжелым, мучительным, и слабость человеческая подсказывает желание оставить его. Физический труд представляется мучительным в начале его; еще более мучительным представляется труд умственный. Как говорит Лессинг, люди имеют свойство переставать думать тогда, когда думанье начинает представлять трудности, и именно тогда, прибавлю я, когда думанье начинает быть плодотворным. Человек чувствует, что решение стоящих перед ним вопросов требует напряженного, часто мучительного труда и ему хочется отвильнуть от этого труда. Если бы у него не было внутренних средств одурманивания, он не мог бы изгнать из своего сознания стоящих перед ним вопросов и волей-неволей был бы приведен к необходимости решения их. Но вот человек узнает средство отгонять эти вопросы всегда, когда они представляются, и употребляет его. Как только предстоящие к разрешению вопросы начинают мучить его, человек прибегает к этим средствам и спасается от беспокойства, вызываемого тревожащими вопросами. Сознание перестает требовать разрешения их, и неразрешенные вопросы остаются неразрешенными до следующего просветления. Но при следующем просветлении повторяется то же, и человек месяцами, годами, иногда всю жизнь продолжает стоять перед теми же нравственными вопросами, ни на шаг не подвигаясь в разрешении их. А между тем в разрешении нравственных вопросов и состоит всё движение жизни.

Совершается нечто подобное тому, что бы делал человек, которому через взмученную воду надо бы увидеть дно, для того чтобы достать драгоценную жемчужину, и который бы, не желая взойти в воду, сознательно взбалтывал воду, как скоро она начинала бы отстаиваться и быть прозрачной. Всю жизнь часто стоит человек одурманивающийся неподвижно на том же, раз усвоенном, неясном, противоречивом мирозерцании, упираясь при всяком наступающем периоде просветления всё в ту же стену, в которую он упирался 10—20 лет тому назад и которую нечем пробить, потому что он сознательно притупляет то острие мысли, которое одно могло бы пробить ее.

Пускай всякий вспомнит себя за тот период, во время которого он пьет и курит, и пускай проверит то же самое на других, и всякий увидит одну постоянную черту, отличающую людей, предающихся одурманиванию, от людей, свободных от него: чем больше одурманивается человек, тем более он нравственно неподвижен.

VI

Ужасны для отдельных лиц, как описывают их нам, последствия потребления опиума и гашиша; ужасны знакомые нам последствия потребления алкоголя на отъявленных пьяницах; но без сравнения ужаснее последствия для всего общества того, считающегося безвредным, умеренного употребления водки, вина, пива и табаку, которому предается большинство людей, а в особенности так называемые образованные классы нашего мира. Последствия эти должны быть ужасны, если признать то, чего нельзя не признать: что руководящая деятельность общества — деятельность политическая, служебная, научная, литературная, художественная — производится большей частью людьми, находящимися не в нормальном состоянии, людьми пьяными. Обыкновенно предполагается, что человек, который, как большинство людей наших достаточных классов, употребляет алкогольные напитки при всяком принятии пищи, находится на другой день, в тот период времени, когда он работает, в совершенно нормальном и трезвом состоянии. Но это совершенно несправедливо. Человек, выпивший накануне бутылку вина, стакан водки или две кружки пива, находится в обычном состоянии похмелья или угнетения, следующего за возбуждением, и потому в умственно подавленном состоянии, которое усиливается еще курением. Для того чтобы человек, курящий и пьющий постоянно и умеренно, привел мозг в нормальное состояние, ему нужно пробыть по крайней мере неделю или более без употребления вина и курения. Этого же почти никогда не бывает.

Так что большая часть всего того, что творится в нашем мире и людьми, управляющими другими и поучающими других, и людьми, управляемыми и поучаемыми, совершается не в трезвом состоянии.

И пусть не принимают это за шутку или за преувеличение: безобразие и главное — бессмысленность нашей жизни происходят преимущественно от постоянного состояния опьянения, в которое приводит себя большинство людей. Разве возможно бы было, чтобы люди непьяные спокойно делали всё то, что делается в нашем мире, — от Эйфелевой башни до общей воинской повинности. Без всякой, какой бы то ни было надобности составляется общество, собираются капиталы, люди работают, вычисляют, составляют планы; миллионы

рабочих дней и пудов железа тратятся на постройку башни; и миллионы людей считают своим долгом влезть на эту башню, побыть на ней и слезть назад; и постройка, и посещение этой башни не вызывают в людях никакого другого суждения об этом, как желание и намерение еще в других местах построить еще более высокие башни. Разве трезвые люди могли бы это делать? Или другое: все европейские народы вот уже десятки лет заняты тем, чтобы придумывать наилучшие средства убийства людей и обучать убийству всех молодых людей, достигших зрелого возраста. Все знают, что нападений варваров никаких быть не может, что приготовления к убийству направлены христианскими цивилизованными народами друг на друга; все знают, что это тяжело, больно, неудобно, разорительно, безнравственно, безбожно и безумно, — и все готовятся к взаимному убийству: одни — придумывая политические комбинации о том, кто с кем в союзе и кого будет убивать; другие — начальствуя над приготовляющимися к убийству, и третьи — подчиняясь против воли, против совести, против разума этим приготовлениям к убийству. Разве трезвые люди могли бы это делать? Только пьяные, никогда не вытрезвляющиеся люди могут делать эти дела и жить в том ужасающем противоречии жизни и совести, в котором не только в этом, но во всех других отношениях живут люди нашего мира.

Никогда, мне кажется, люди не жили в таком очевидном противоречии между требованиями совести и поступками.

Человечество нашего времени точно зацепилось за что-то. Точно есть какая-то внешняя причина, мешающая стать ему в то положение, которое ему свойственно по его сознанию. И причина эта — если не одна, то главная — это то физическое состояние одурения, в которое вином и табаком приводит себя огромное большинство людей нашего мира.

Освобождение от этого страшного зла будет эпохой в жизни человечества, и эпоха эта настанет, кажется. Зло сознано. Изменение в сознании по отношению к употреблению одуряющих веществ уже совершилось, люди поняли страшный вред их и начинают указывать его, и это незаметное изменение в сознании неизбежно повлечет за собой освобождение людей от употребления одуряющих веществ. Освобождение же людей от употребления одуряющих веществ откроет им глаза на требования их сознания, и они станут проводить свою жизнь в согласии с совестью.

И кажется, что это уже начинается. И, как всегда, начинается с высших классов тогда, когда уже заражены все низшие.

Предлагаемая книга излагает историю развития этого сознания.

10 июня 1890.

Комментарий И.Петровицкой

Статья была задумана как предисловие к книге доктора П. С. Алексеева «О пьянстве», издание которой предпринял журнал «Русская мысль». Причем Толстой сразу же просил редактора журнала В. А. Гольцева «отпечатать предисловие отдельной брошюрой».

С конца 1880-х гг. Толстой настойчиво выступает сторонником борьбы с наркотиками, пьянством, «одурманивающими» средствами; основывает общество трезвости «Согласие против пьянства». В 1888 г. он написал две статьи-обращения против пьянства: «К молодым людям» и «Пора опомниться!», в следующем – статьи «Богу или мамоне?», «Праздник просвещения 12-го января», отредактировал три статьи Ф. А. Желтова о пьянстве, говорил о вреде вина и табака даже на волостном сходе, но, по его признанию, «получил отпор» (Дневник, 3 октября 1889 г.).

Толстой начинает статью с ряда вопросов: «Что такое употребление одурманивающих веществ – водки, вина, пива, гашиша, опиума, табака и других, менее распространенных: эфира, морфина, мухомора?.. Зачем людям нужно одурманиваться? Спросите у человека, зачем он начал пить вино и пьет...» Толстой призывает к отказу от употребления одурманивающих средств, алкоголя и прочих наркотических веществ.

«Грех опьянения состоит в том, что человек, вместо того чтобы все силы своего внимания употребить на то, чтобы устранить все то, что может затуманить его сознание, открывающее ему смысл его истинной жизни, старается, напротив, ослабить и затемнить это сознание внешними средствами возбуждения».

«Надо, – убеждает Толстой, – насколько это от нас зависит, стараться поставить себя и других в такие условия, при которых не нарушилась бы ясность и тонкость мысли», а не затруднять «эту работу сознания потреблением одурманивающих веществ».

«Обыкновенно считают достойными осуждения, презренными людьми тех пьяниц, которые по кабакам и трактирам напиваются <...> Те же люди, которые покупают на дом вино, пьют ежедневно и умеренно и угощают вином своих гостей – такие люди считаются людьми хорошими и почтенными и не делающими ничего дурного. А между тем эти-то люди более пьяниц достойны осуждения».

«Отчего у разных людей есть разные привычки, а привычки курения и пьянства одни и те же у всех, и у богатых и у бедных? – спрашивал Толстой и сам отвечал: А оттого, что большинство людей недовольно своей жизнью» и «люди, как бедные, так и богатые, стараются забыться в курении или пьянстве». Многие стремятся быть в состоянии легкой алкогольной эйфории, когда, по тонкому наблюдению Толстого, человеку кажется, «что у него вдруг сделалось много мыслей».

По Толстому, люди «одурманиваются» исключительно для того, чтобы снять напряжение от недовольства жизнью.

Толстой утверждает, что «причина всемирного распространения гашиша, опиума, вина, табака» «в потребности скрыть от себя указания совести. Люди знают это свойство вина <...> заглушать голос совести и сознательно употребляют его для этой цели». Толстой убедительно доказывает, что «употребление одурманивающих веществ в больших или

малых размерах, периодически или постоянно вызывается одною и тою же причиной – потребностью заглушения голоса совести для того, чтобы не видеть разлада жизни с требованием сознания». Его беспокоит отравляющее действие «безумного обычая употребления вина».

Мысль Толстого проста и убедительна. Опынение – источник безнравственных поступков: «Трезвому совестно то, что не совестно пьяному»; причина тяжких преступлений: «Девять десятых преступлений совершается так: “Для смелости выпить...”».

Толстой огорчен и тем, что «мало того, что люди сами одурманиваются, чтобы заглушить свою совесть, зная, как действует вино, они, желая заставить других людей сделать поступок, противный их совести, одурманивают их».

С сожалением Толстой замечает: «Мы не знаем той степени высоты, до которой достигли бы люди пьющие и курящие, если бы они не пили и не курили». «Что же несет человеку водка?» – спрашивает Толстой и сам же отвечает: «Самое ужасное последствие пьяных напитков – то, что вино затемняет разум и совесть людей: люди от употребления вина становятся грубее, глупее и злее».

Также в статье Толстой опровергает повсеместно распространенное мнение о допустимости «умеренного употребления вина и табака»: «Разумеется, это для образованного класса. Образованные классы в этом отношении очень необразованны», – заметил Толстой в письме к Рачинскому.

Статья появилась впервые под заглавием «Питье вина и курение табака» в переводе на английский язык в февральском номере лондонского журнала «Contemporari Review» и в обратном переводе под заголовком «О вине и табаке» была напечатана в газете А. С. Суворина «Новое время» (1891, №№ 5354, 5355, 5357, 5358).

На русском языке напечатана в виде предисловия к книге П. С. Алексеева «О пьянстве» (изд. журнала «Русская мысль», 1891); также изд. Одесского общества для борьбы с пьянством (Одесса, 1891, тир. 500 экз.); изд. «Посредника» (1891, тир. 12000 экз.)

ПСС, т. 27, с. 269-285.

Примечания

С 1887 года Толстой начинает интересоваться вопросом о борьбе с алкоголизмом. В этом году им было основано общество трезвости, которому он дал название «Согласие против пьянства». В следующем 1888 году им были написаны две статьи против пьянства — «К молодым людям» и «Пора опомниться». В следующем 1889 году им была написана по данному вопросу статья «Праздник просвещения», проредактированы три статьи Ф. А. Желтова о пьянстве, велась переписка с рядом лиц по вопросу о борьбе с пьянством; о

вреде вина и табака он говорил даже на волостном сходе, но «получил отпор», о чем записал в Дневнике 3 октября 1889 г.

Первая запись в Дневнике о статье «Для чего люди одурманиваются?» относится к 16 января 1890 г., когда Толстой записывает: «Надо написать... два предисловия: к Балу и к Алексееву». Предисловие «к Алексееву» и было названо впоследствии «Для чего люди одурманиваются?»; статья эта появилась как предисловие к книге доктора П. С. Алексеева «О пьянстве».[432] Однако к исполнению этого намерения Толстой приступает только почти через четыре месяца. 9 апреля 1890 г. Толстой пишет С. А. Рачинскому: «У меня лежит прекрасная статья доктора Алексеева: история борьбы против пьянства; и мне очень хочется написать к ней предисловие. Разумеется, это для образованного класса. Образованные классы в этом отношении очень не образованы. Но всё не успею. Дел набирается перед смертью обратно пропорционально квадрату расстояния».

Однако, уже на другой день, 10 апреля, Толстой принимается за задуманную статью: этим числом помечен автограф, представляющий брошенное начало статьи. 13 апреля Толстой записывает в Дневнике: «Третьего дня писал опять о наркотиках. Не дурно». Не беремся сказать, относится ли запись к последней редакции статьи, или к одному из трех брошенных начал ее. После этого Дневник молчит о работе над статьей вплоть до 1 мая, когда записано: «Писал статью о пьянстве и кончил». Слово «кончил» в данном случае, как и часто у Толстого, означает только то, что статья была вчерне дописана до конца, но не означает того, что была прекращена всякая дальнейшая обработка статьи, занявшая еще много времени.

По записи Дневника, уже 3 мая Толстой «правил статью». 4 мая помечена на обложке сделанная М. Л. Толстой копия статьи. 5 мая Толстой записывает в Дневнике следующие три заметки «к статье о пьянстве»: «1) Человеку нужно разрешить нечто трудное, чтобы идти вперед, надо осветить, и вот он затемняет наркот[иками]. 2) Человек упирается в то же затруднение и не разрешает. Для движения вперед нужна ясность, и то затемняют. 3) Нужно самое острое, его-то сшибают».

Эти мысли были развиты Толстым в пятой (по окончательной редакции) главе статьи. В Дневнике 10 мая находим еще следующую запись к той же статье (вошедшую в ту же главу): «Прелестно и нужно для статьи о пьянстве слова Лесинга: «Многие люди перестают думать тогда, когда думанье начинает быть трудным». Я прибавил бы: и плодотворным».

18 мая, записывая за 7 дней, Толстой, перечисляя свои работы за это время, отмечает и то, что он «начал поправлять предисловие о пьянстве». (14 мая статья переписывается М. Л. Толстой, как это указано ею на одной из обложек черновых рукописей статьи.) После этого в течение нескольких дней читаем в Дневнике почти ежедневные записи о работе над данной статьей. Так, 19 мая Толстой пишет: «Предисловие немного поправлял. Остановился на 2-й части. Надо всё переделать. Очень тэма важна. И то писал только вечером». 21 мая: «Чуть чуть поправил предисловие». 22 мая — опять работа над предисловием; 23 мая Толстой опять «немного» писал предисловие; 25 мая вновь «немного поправлял о дурмане»; 28 мая — также «поправлял статью о пьянстве»; 29 мая — «немного пописал»; 30 мая «сел писать», но помешали; 31 мая — «немного писал статью». После этого следует перерыв в два дня. 3

июня работа продолжалась, как это видно из пометки М. Л. Толстой на обложке одной из копий статьи. По Дневнику, 4 июня Толстой опять «писал», а 5 июня — «кончил статью». 8 июня «немного поправлял уже поправленное», а 10 июня «много поправлял». Запись: «поправлял» имеется также и под 11 июня; эту запись мы считаем последней, несомненно относящейся к статье «Для чего люди одурманиваются?»

13 июля Толстой получает корректуру статьи и в тот же день записывает в Дневнике: «Корректуры статьи от Гольцева.[433] Надо прибавить». На следующий день, 14 июля, пишет: «Сажусь за статью». И позднее в тот же день: «Поправил все корректуры. Не кончил заключение». Затем 19 июля Толстой «писал немного к трезвости», т. е., очевидно, добавление к статье.

При отсылке корректур Толстой написал В. А. Гольцеву следующее письмо: «Посылаю вам, дорогой Виктор Александрович, исправленное предисловие. Я бы не утруждал вас, а послал бы прямо в типографию, но не знаю, в какую, а потому прошу уже вас: 1) попросить в типографии, чтобы, исправив, прислали мне два экземпляра сверстанные, 2) чтобы вы сами, прочтя, решили, что может вызвать запрещение всей книги, и выкинули бы. Когда может выйти книга? Нельзя ли отпечатать предисловие отдельной брошюрой?»

25 июля Толстой с уезжавшим из Ясной поляны переводчиком его сочинений на немецкий язык Р. Левенфельдом отправил В. А. Гольцеву письмо, в котором писал, что просил Левенфельда «кое-что» передать Гольцеву о его статье. Что просил Толстой передать Гольцеву, нам неизвестно.

6 августа Толстой читал сверстанную корректуру статьи, как отмечено у него в Дневнике. 24 или 25 августа Толстой писал В. А. Гольцеву: «В корректуре моего предисловия в выноске 24-й и 25-й стр[аниц] до слова: «Во-вторых», находящегося на 6 строке выноски 25-й страницы, есть поправки. Все эти поправки уничтожить и оставить, как было до поправок. Всё это, разумеется, если еще не отпечатано».

Так как правленных Толстым гранок статьи «Для чего люди одурманиваются?» не сохранилось, то выяснить, какие из своих поправок отменял Толстой этим письмом, невозможно.

Статья Толстого появилась впервые в переводе на английский язык, сделанном Э. Диллоном, в февральском номере лондонского журнала «Contemporary Review», под названием: «Wine Drinking and Tobacco Smoking» [«Питье вина и курение табака»]. Отсюда в обратном переводе с английского статья была напечатана в «Новом времени» 1891 г., №№ 5354, 5355 и 5357 от 24, 25 и 27 января. По подлинному тексту статья была напечатана в виде предисловия к книге: Д-р П. С. Алексеев, «О пьянстве». С предисловием гр. Л. Н. Толстого: «Для чего люди одурманиваются?», изд. редакции журнала «Русская мысль». М. 1891, стр. 1—27. Под статьей дата: 10 июня 1890 г. Вскоре статья появилась и отдельной брошюрой в издании «Посредник» и в том же году была перепечатана в тринадцатой части «Сочинений гр. Л. Н. Толстого», Москва.